

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

ЛИРИКА ТРЕТЬИХ ЛИЦ: О ПОЭЗИИ 2010 ГОДА

Поэтическое пространство 2010 г. характеризовалось двумя особенностями. Во-первых, сохранилась оппозиция «старших» и «младших» поэтов (естественно, речь идет не столько о датах рождения, сколько об авторах текстов «классических» и текстов «радикальных» по приемам поэтики). Это противостояние без острых конфликтов и бурных дискуссий, поскольку каждый ориентирован на своего читателя, но все-таки осязаемое. Лауреатами премий стали С. Гандлевский (национальная премия «Поэт»), Ю. Казарин (премия им. А. Решетова), И. Меламед (Горьковская премия). Это замечательные лирики «старшего» поколения, в их творчестве темы жизни и смерти, любви и веры выражены в строгой силлабо-тонической системе стиха, с семантически нагруженными рифмами, окрашены элегической грустью и просветленностью. Вот стихотворение из «Каменских элегий» Ю. Казарина, как всегда у него, с очень рельефными предметными метафорами, создающими философский образ мира, чуть-чуть напоминающий стоицизм Г. Иванова период книги «Розы»:

Ночью накинешь чужое пальто
и ощущаешь себя не собою,
нет, не хозяином, просто никто
сквозь отраженье в окно голубое –
сквозь отраженье лица своего –
смотрит и видит свое и чужое:
зимнее небо, его существо,
мелкоигльчатое, но большое,
от переносицы выбелит лоб
мыслью, подобной без лыжи торенью
тропки, совпавшей с морщиной, и – хлоп:
с неба разреженный реет сугроб,
как ненаписанное стихотворенье...¹

Разумеется, старшие поэты прекрасно видят, что творится вокруг, но отстраняются с мягкой иронией от «злобы дня», стремясь поставить гармонию выше хаоса. Стихотворение Игоря Меламеда так и называется – «Колыбельная»:

Усни, дитя мое! Над миром
царит покой и благодать.
Лишь призрак, созданный Шекспиром,
повелевает нам страдать.

Не плачь, мой мальчик! Успокойся!
Любовью Божий мир объят.
И лишь в воображеньи Джойса
возник нечаянный разлад.

Ну что ты?.. Зеленеет травка.
Не плачь же! Солнышко блестит.
А что выдумывает Кафка –
пустое! Бог ему простит!

Напротив, в творчестве так называемых «актуальных» поэтов по-прежнему ощущаются внутренний разлад, невозможность самоидентификации, фрагментарность лирического «я» и – как следствие – напряженное стремление к диалогу с Другим, к взаимопониманию и поддержке. Можно обозначить несколько вариантов авторских стратегий, позволяющих наладить диалог, выйти к читателю, быть услышанным и понятым.

Вера Полозкова, о которой много говорилось в истекшем году, сумела вырваться из «гетто Интернета», настойчиво заявляя о себе: в ЖЖ, в видеоклипах, интервью, многочисленных текстах, размещенных на сайтах. Успешный блоггер, она обращалась к «своим» и стала популярной, поскольку показала: будь настойчивым и последовательным, смелым и дерзким – и ты добьешься успеха, сделаешь себя «звездой» собственного изготовления. Это обнадеживающий пример для многих и многих, пишущих стихи и запускающих их в Сеть. Две изданные книги стихов, положительные рецензии критиков, глава в книге Юлии Идлис «РУНЕТ: сотворенные кумиры»², интервью, встречи с читателями... Не случайно встречается у В. Полозковой неопределенно-личное «ты» или собирательное «мы», например:

О, швыряемся так неловко мы –
– Заработаю я! Найду! –
Всеми жалкими сторублевками,
Что одолжены на еду,

¹ Казарин Ю.В. Каменские элегии: стихотворения. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2009. С. 18.

² Идлис Ю. РУНЕТ: сотворенные кумиры. – М.: Альпина нон-фикшн, 2010.

Всеми крошечными зачатками,
 Что со вздохом отдал сосед –
 Потому что зачем иначе мы
 Вообще рождены на свет.

Потому что мы золоченая,
 Но трущобная молодежь.
 Потому что мы все ученые
 И большие поэты сплошь.

Пропадешь,
 Коли попадешь в нее –
 Ведь она у нас еще та –
 Наша вечная, безнадежная,
 Неизбывная нищета.³

Вера Павлова, давно признанный лидер женской поэзии, назвала свою последнюю книгу стихов «Однофамилица»⁴. Здесь предпринята попытка найти общий язык внутри семьи, с самыми близкими людьми, а также и с самой собой. Однофамилица – это дочь, в адрес которой сказано: «Мой язык литературен, / твой проколот» (с. 227), однако диалог мамы и дочери может и не требовать слов, они прекрасно понимают друг друга:

Открыть. Досаду превозмочь.
 Наполнить чайник доверху.
 Удочерить родную дочь
 труднее, чем детдомовку.
 Зачем она все время врет?
 Зачем, моя хорошая,
 всё делаешь наоборот,
 так на меня похожая? (С. 226)

Однофамилица – это и она сама, достигшая определенного возраста («набело старею»), но чувствующая себя по-прежнему молодой и желанной. Наконец, однофамилица – это и лирическая героиня, носящая фамилию автора, но все-таки, как любой художественный образ, не тождественная биографическому прототипу, для которого рановато писать эпитафию:

Лежит здесь Павлова В. А. –
 Не проходите мимо! –
 незаживающее жива,
 права непоправимо. (С. 350)

Все приведенные выше примеры можно назвать лирикой от первого лица. Однако рельефно проявлена и вторая тенденция – лирика «третьих лиц», персонажная лирика, лирика «Другого». Так называемый «лирический эпос», по мнению И. Кукулина, не вполне лирика и не вполне эпос⁵. Используется фигура так называемого «подставного автора»: Марией Степановой написаны «Проза Ивана Сидорова» и «Вторая проза»⁶; последняя книжка Линор Горалик называется «Устное народное творчество обитателей сектора М1 (составлено Сергеем Петровским; с предисловием и послесловием автора)»⁷ – жанр обозначен в аннотации как малая проза, но фольклор обитателей ада включает много стихотворных текстов. Устное народное творчество принципиально анонимно, «новый эпос» М. Степановой, Л. Горалик, Е. Фанайловой по-постмодернистски соединяет традиции фольклора, советских массовых песен, «цитаты» из киносериалов, газетных статей, выступлений политиков, патриарха, шоуменов, культовых артистов.

Активно пишутся баллады – и Борисом Херсонским⁸ (новая книга называется «Пока не стемнело»), и Андреем Родионовым («Новая драматургия»⁹), и Марией Степановой («Стихи и проза в одном томе»¹⁰, «Лирика, голос»¹¹). Субъект баллад – ролевой герой, по терминологии Б. Кормана, или трансубъективный герой, по терминологии Ю. Орлицкого. Героями баллад становятся маргиналы, сумасшедшие, алкоголики, «замкадыши» – обитатели пригородов, изображаются они и с сочувствием, и с иронией. Так, Борис Херсонский, профессиональный психиатр, спешит – «пока не стемнело», не наступила ночь «нового средневековья», пока сам в здравом уме и твердой памяти, пока еще не поздно – проговорить наиболее болезненные социальные и индивидуальные травмы, уже полученные ранее (в войнах, репрессиях, погромах), и еще только предстоящие, ибо «где недовольство низов, там неспособность верхов», озлобленность чревата новым фашизмом (см., напр., стихотворение «Власть крепнет и поднимается, народ...», с. 360-361), растущий цинизм обесценивает человеческую личность. В стихах Григория Гелюты из сборника «Третьи лица» нередко вообще отсутствует грамматически выраженный субъект («выбирай из того что есть – / хочешь – заваривай чай, / извлекай из чашки палочки, лис-

³ Полозкова В. Непознание. – М.: Liverbook, 2009. С. 79.

⁴ Павлова В. Однофамилица. – М.: АСТ: Астрель, 2011.

⁵ Кукулин И. «Создать человека, пока ты не человек...». Заметки о русской поэзии 2000-х // Новый мир. 2010. № 1.

⁶ См. рецензию М. Липовецкого «Родина-жуть» // НЛЮ. 2008. № 89.

⁷ Горалик Л. Устное народное творчество обитателей сектора М1 (составлено Сергеем Петровским; с предисловием и послесловием автора). – М.: Книжное обозрение [АРГО-РИСК], 2011.

⁸ Херсонский Б. Пока не стемнело. – М.: Новое литературное обозрение, 2010.

⁹ Родионов А. Новая драматургия. – М.: Новое литературное обозрение, 2010.

¹⁰ Степанова М. Стихи и проза в одном томе. – М.: Новое литературное обозрение, 2010.

¹¹ Степанова М. Лирика, голос. – М.: Новое литературное обозрение, 2010.

тики, ручейный сор, / большего не проси, / прочего не замечай, / не разбрасывай слов, не растрчивай сил попусту. / Что тебе до волшебных зверей, африканских озер?...»¹². «Третьи лица» – это «они» («бедные люди, / бедные – / какие ещё?»), это те, кто стоят ниже «первых» и «вторых» лиц в стране; к ним принадлежит и лирический герой, утративший самоощущенность («ты не вернешься. / вернешься не ты»). В текстах Романа Осминкина («Товарищ-вещь») появляется даже лирическое «оно»: «бойся босха бойся но / бриколлаж составляя не зевай / где оно лирическое я / вот оно лирическое оно...»¹³. Типичность героини подчеркнута названием последней книги Елены Фанайловой – «Лена и люди»¹⁴. В стихотворении «Новогоднее» героиня, наподобие президента, обращается ко всему народу: «Дорогие россияне! Дорогие друзья!», и далее на нескольких страницах перечисляются абсолютно все: московские гастарбайтеры, украинский сантехник, грузинский водитель, молдавский строитель, музыканты, писатели, чиновники, врачи, заложники, математики, продюсеры, либералы и консерваторы, олигархи и пролетарии всех стран, жители самых разных городов, вплоть до Курил, рокеры и сослуживцы (названные подлинными именами, напр., Борис Владимирович Дубин) и проч., и проч. Через перечисление создается аморфный, ризоматичный образ нации – мы все, россияне. Проблема национального единства обсуждается в стихотворении «Нация за меня...»¹⁵: что нас объединяет: великие писатели Пушкин и Лермонтов? президент Путин? популярный телеведущий? могилы предков? Вопрос остается без ответа, а так хотелось бы, чтобы нация – «баба» – родила национального героя, его сестру национальную идею, а также писателя, шахматиста-еврея, вратаря хоккея... Мария Степанова также пытается ощутить единство с народом:

Женское.
Бабское.
Из-под-сарафанное.
Рабское. Баское. Деревянное.
Ситчик-голубчик, розовый рубчик,
Дурной – да родной. Как зубная паста.
Довольно одной.
Баста.

Я общим бессознательным прикроюсь, как сознательным,
Я общим одеялом укурюсь. Как своим,
Укурюсь, как своим –
И буду ма-лы-им?

И малым, и белым, и страшным, и дебелым.
Малявинскую бабою с чугуною губой,
Золовкой коварной, цистерною товарной,
Заслуженной коровой. Ведомой на убой.
И каждой.
И любой.

Мой компас земной.
Упорное «больно»:
Довольно одной.
Вольно.¹⁶

Дело не просто в отсутствии «задушевной» теплоты лирического героя. Поэзия стремится, как показал И. Кукулин, выполнять функции эпоса: осуществлять социально-психологический анализ, обсуждать проблемы соотношения человека и истории, личного и общественного, прорабатывать социальные травмы, ставить диагноз, предупреждать, ломать психологический комфорт. Для «нового эпоса» характерен интонационно-фразовый стих, принципиально гетероморфный, по выражению Ю. Орлицкого¹⁷. Помимо всего прочего, такой «неправильный» стих имеет еще и антигламурную направленность, противопоставит «гладкописи» и безличности массовой литературы.

Итак, в поэзию вернулись социальность и политизированность. Последние номера журнала «Новое литературное обозрение» (№№ 108, 109, 110) открываются рубрикой «Новая социальная поэзия». Крайнюю позицию контркультуры и антиэстетизма занимают авторы серии «Крафт», совместного проекта альманаха «Транслит» и Свободного марксистского издательства: Кети Чухров, Роман Осминкин, Антон Очиров¹⁸ Поворот к новой социальности – общий процесс в литературе, о чем свидетельствуют премия «НОС» («новая словесность» или «новая социальность»), книга Б. Дубина «Классика, после и рядом: Социологические очерки о литературе и культуре»¹⁹; автор недавно переведенной на русский язык «Теории литературы» Терри Иглтон²⁰ прямо говорит о необходимости реактуализации марксистского подхода к литературе.

¹² Гелота Г. Третьи лица. – М.: АРГО-РИСК, 2010. С. 20

¹³ Осминкин Р. Товарищ-вещь. – Крафт: Книжная серия альманаха «Транслит» и Свобмарксиздат.

¹⁴ Фанайлова Е. Лена и люди. – М.: Новое издательство, 2011.

¹⁵ Там же. С. 47-52.

¹⁶ Степанова М. Лирика, голос. – М.: Новое издательство, 2010. С. 39.

¹⁷ Орлицкий Ю. Б. Стих и проза в русской литературе. // Дети Ра. 2008. №1 (39).

¹⁸ См. рецензию Д. Давыдова на книгу К. Чухров «Просто люди» // Новое литературное обозрение. 2011. № 107.

¹⁹ Дубин Б. Классика, после и рядом: Социологические очерки о литературе и культуре. – М.: Новое литературное обозрение, 2010.

²⁰ Иглтон Т. Теория литературы: Введение. / пер. Е. Бучкиной под ред. М. Маяцкого и Д. Субботина. – М.: Издат. дом «Территория будущего», 2010. С. 231-257.

Лирика выполняет функции самоидентификации общества и отдельной личности, пытаясь разобраться, что значит: русский, советский, постсоветский, российский? что с нами происходит? почему десятилетие стабилизации развеяло многие иллюзии?

Обрисованная – очень схематично – ситуация в современной поэзии отдаленно напоминает борьбу «чистого» и «тенденциозного» искусства в середине XIX в., правда, борьбы, как таковой, нет: мультилитературность (распадение литературного поля на автономные сегменты), кризис литературоцентризма, вымывание литературы из школьной программы, монополизация издательского дела не способствуют литературным дискуссиям. Впрочем, высказанные соображения основаны на частных, достаточно случайных наблюдениях, возможно, у читателя, в руки которого попали книги других авторов, сложилась иная, но тоже неполная и субъективная картина актуальной поэзии.

*Нина Владимировна Барковская,
доктор филологических наук, профессор,
заведующий кафедрой современной русской литературы УрГПУ*